А. Д. ПОПОВ

Попов Алексей Дмитриевич
кандидат исторических наук
научный сотрудник,
проект «Советская культурная дипломатия
в условиях Холодной войны (1949–1989)»,
Южно-Уральский государственный университет (
национальный исследовательский университет)
Россия, 454080, Челябинск, пр-т Ленина, 76
Тел.: +7 (351) 267-99-00
E-mail: popalex79@mail.ru

ВОЙНА И МЫ: ГОРИЗОНТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В МЕМОРИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА[1]

Аннотация. Проанализировано содержание записей, сделанных советскими гражданами в книгах отзывов трех крупнейших мемориальных комплексов Восточной Германии, посвященных событиям Второй мировой войны: Национального музея Бухенвальд, Мемориального комплекса-музея на Зееловских высотах и Музея истории капитуляции фашистской Германии Берлин-Карлсхорст. На основе этого корпуса источников автор делает выводы относительно советской мемориальной культуры послевоенного периода и взаимосвязи мемориальных практик граждан СССР за рубежом с культурной дипломатией. Важнейшие отличительные черты данных образцов мемориального дискурса — публичность, ритуализованность, перформативность, эмоциональная насыщенность, вытеснение исторического контекста актуальными вопросами настоящего и будущего.

Ключевые слова: историческая память, мемориальный комплекс, международный туризм, культурная дипломатия, книги отзывов, Вторая мировая война, Восточная Германия, СССР

Феномену мемориальной культуры советского и постсоветского общества, базовым для которого стал концепт Великой Отечественной войны, посвящен целый ряд исследований, в большинстве своем имеющих междисциплинарный характер (см., например: [Сенявская

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10213).

© А. Д. ПОПОВ

1995; Гудков 2005; Конрадова, Рылеева 2005; Склокіна 2011; Oushakine 2013] и др.[2]). Однако можно констатировать, что публикации по этой теме все еще оставляют значительный простор как для введения в научный оборот не использовавшихся ранее групп источников, так и для отработки новых методологических подходов, особенно когда речь идет о советском периоде. Данная работа представляет собой попытку выявить характерные особенности культуры исторической памяти и мемориальной дипломатии в СССР 1950–1980-х годов на основе записей в книгах отзывов мемориальных комплексов Восточной Германии, посвященных событиям Второй мировой войны. В методологическом плане единственным известным нам примером, когда исследователь анализирует советский дискурс памяти на основе четко обозначенной группы текстовых источников, является работа [Быкова 2011], характеризующая надписи на мемориальных досках Ленинграда / Санкт-Петербурга.

Проблема, контекст, источники

Идея о необходимости сбора и анализа записей в книгах отзывов мемориальных объектов впервые возникла у автора во время поездок в Германию для работы над исследовательским проектом об истории советско-немецких туристских связей[3]. В рамках этого исследования, прямо не относящегося к вопросам истории памяти, удалось посетить три ключевых «места памяти» на территории Восточной Германии, которые в прошлом очень часто посещались организованными группами граждан СССР (официальными делегациями, туристами, военнослужащими группы советских войск в Германии и членами их семей). Речь идет о следующих объектах, каждый из которых имел определенную специализацию.

1. Национальный музей Бухенвальд (Nationale Mahn- und Gedenkstätte Buchenwald), который был открыт в 1958 г., — самый посещаемый из мемориализированных концентрационных лагерей Восточной Германии. Российский исследователь И. Л. Щербакова называет Бухенвальд «центральным мемориальным местом не только для ГДР, но и для всего соцлагеря» [Щербакова 2001]. На символической карте советской коллективной памяти он был тем объектом, который наиболее ярко и устойчиво ассоциировался с деятельностью «фабрик смерти» — нацистских концентрационных лагерей.

2. Мемориальный комплекс-музей на Зееловских высотах (Gedenkstätte der Befreiung auf den Seelower Höhen) в районе Франкфурта-на-Одере, торжественно открытый 28 декабря 1972 г. «на месте решающих боев за

[2] Данной теме посвящен также специальный номер журнала «Неприкосновенный запас» (№ 101, 2015).

[3] Завершенный индивидуальный исследовательский проект № AZ 08/SR/10 «A window to Europe half opened: Tourist exchange between the Soviet Union and the two Germanies in the post-Stalin period», грант Фонда Герды Хенкель / Gerda Henkel Stiftung, 2010–2012 гг.

Берлин». Взятие Зееловских высот в мемориальных представлениях советских людей являлось прологом Победы, предпоследним пунктом следования в героическом наступлении советской армии «на Берлин!».

3. Историко-мемориальный Зал-музей Группы советских войск в Германии (ГСВГ), открытый в 1967 г. и впоследствии переименованный в Музей истории капитуляции фашистской Германии в войне 1941–1945 гг. (Берлин-Карлсхорст). Это место олицетворяло победный для СССР финал войны и при этом было гораздо более удобным для организации советских коммеморативных практик, нежели расположенный на территории ФРГ Нюрнберг.

Следует отметить, что в 1950–1980-е годы туристские связи между СССР и ГДР развивались очень динамично. Достаточно сказать, что в период с 1956 по 1988 г. число советских туристов, посетивших Восточную Германию, увеличилось более чем в 87 раз — с 1,9 тыс. до 169,3 тыс. чел. в год [Statistisches Jahrbuch 1963: 442; Statistisches Jahrbuch 1990: 367]. Всего же к 1990 г. более 2 млн. советских туристов побывали в ГДР и более 4 млн. граждан Восточной Германии совершили путешествия в СССР [Дитце 1990]. При этом советско-немецкие туристские связи имели не столько познавательную или рекреационную, сколько политическую направленность. О том, какие объекты на туристских маршрутах рассматривались в качестве приоритетных, можно судить по цитате из документа с красноречивым названием «Краткая справка о политической эффективности советского туризма в ГДР в 1976 году»:

> Программы по общетуристским маршрутам содержат ‹…› значительное количество туристских объектов и музеев с политической тематикой. Например, все туристы, прибывшие в ГДР, посетили берлинский Трептов-парк ‹…› 15 000 туристов ознакомились с Историко-мемориальным Залом-музеем ГСВГ, более 20 000 туристов побывали в Музее им. Г. Димитрова, 35 000 туристов осмотрели Музей-типографию «Искра» ‹…› Успешно посещались также Музей им. В. И. Ленина в Лейпциге, мемориал «Зееловские высоты» под Франкфуртом-на-Одере, мемориальные комплексы Бухенвальд и Заксенхаузен [Краткая справка 1976].

Как мы видим, объекты показа с «политической тематикой» можно условно разделить на две группы. Первая группа отражала память о революционном рабочем и коммунистическом движении в Германии конца XIX — первых десятилетий XX в., а вторая — память о событиях Второй мировой войны. На основе анализа источников можно предположить, что приоритетной при посещении ГДР являлась именно вторая тематическая линия, связанная со Второй мировой войной. Для советских туристов военного и первых послевоенных поколений тема трагических событий 1939(1941)–1945 гг. была гораздо более понятна и актуальна, чем пролетарско-революционная тематика. Эти историко-политические акцен-

ты обнаруживались даже в названиях некоторых маршрутов по Восточной Германии, предлагавшихся для советских туристов, например: «По местам антифашистского сопротивления», «По дорогам освободителей от фашизма» и т. п. [Баден 1987; Дитце 1990; Мискиевич 1984].

Анализ статистики посещения названных выше мемориальных объектов в период существования ГДР показал, что в Бухенвальде и на Зееловских высотах граждане СССР составляли не менее 20% от общего количества посетителей, а в Карлсхорсте этот показатель превышал 40%. В абсолютных цифрах «пиковые» показатели ежегодного посещения данных объектов советскими гражданами были достигнуты для Бухенвальда в 1985 г. (114 тыс. посетителей из СССР), для Зееловских высот — в 1980 г. (29 тыс.) и для Карлсхорста — в 1978 г. (44 тыс.) [Попов 2013: 158–159].

Поездки советских граждан за рубеж были одним из инструментов культурной дипломатии СССР, одним из компонентов которой была так называемая мемориальная дипломатия. Туристы рассматривались как своеобразные «полпреды» — «полномочные представители» Советского Союза, которые в том числе должны были воспроизводить перед иностранной аудиторией практики и тексты, характерные для советской мемориальной культуры. Например, обязательным атрибутом каждой поездки было коллективное посещение соответствующих памятников и памятных знаков с обязательным возложением венков или цветов (подробнее см.: [Орлов, Попов 2016: 168–169, 267–268]). Еще одна ритуализированная практика — записи в специальных книгах отзывов мемориальных объектов. В Бухенвальде такие книги назывались «Ehrenbuch» (букв. «книга почета», «книга почетных гостей»), на Зееловских высотах — «Gästebuch» (букв. «книга гостей», «гостевая книга»), в Карлсхорсте — «Книга отзывов почетных посетителей»[4]. Чтобы выявить записи, сделанные именно гражданами СССР, автор просмотрел de visu все книги отзывов, которые находятся на постоянном хранении в архивах современных организаций — правопреемников указанных выше мемориальных объектов: Gedenkstätte Buchenwald, Gedenkstätte/Museum Seelower Höhen и Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst. В первых двух случаях хронология просмотренных книг охватывала период с момента открытия мемориального объекта (1958 и 1972 соответственно) до прекращения существования ГДР (1990). В случае с музеем Берлин-Карлсхорст удалось обнаружить лишь книги отзывов за 1985–1990 гг. В результате были выявлены сотни записей, сделанных в разные годы посетителями из СССР. Проанализировав условия возникновения и смысловое содержание этих записей, автор попытается определить типичные черты позднесоветской культуры памяти, нашедшие свое отражение в мемориальном дискурсе.

[4] В период существования ГДР Музей Берлин-Карлсхорст входил в число политико-идеологических учреждений ГСВГ, его сотрудники были гражданами СССР, документация велась на русском языке.

Ритуализированный дискурс или дискурсивный ритуал?

Чтобы более точно интерпретировать содержание и значение записей в книгах отзывов, прежде всего нужно реконструировать сам процесс их появления. В подавляющем большинстве случаев советские граждане (и в особенности туристы) осматривали Бухенвальд, Зееловские высоты и Берлин-Карлсхорст не в индивидуальном порядке, а в составе организованных и тщательно структурированных групп [Попов 2013]. После осмотра экспозиции под руководством экскурсовода, что обычно занимало один-два часа, кто-то из участников группы мог попросить книгу отзывов, для того чтобы сделать в ней памятную запись от имени всей группы. Такие книги обязательно имелись и хранились в доступном для посетителей месте. На то, что этому действию придавалось особое значение, указывает несколько обстоятельств. Так, при описании посещения мемориальных объектов в официальных отчетах руководителей советских туристских групп нередко специально подчеркивался факт оставления таких записей[5]. Кроме того, существовала практика, по которой в каждой группе советских туристов выделялся так называемый идеологический актив, включавший тех, кто являлся членами КПСС, имел высокий уровень политико-идеологической подготовки и определенные пропагандистские навыки. Причем в перечне обязанностей представителей идеологического актива группы в том числе называлось оставление записей в книгах отзывов во время путешествия [Памятка 1981: 2–3].

Важно отметить, что право непосредственно сделать запись в книге отзывов группа делегировала кому-то из наиболее уважаемых ее членов (руководителю группы, опытному активисту, единственному в группе ветерану Великой Отечественной войны), который делал это в присутствии остальных и, как правило, использовал в тексте формулировки «от имени группы», «по поручению группы». Все это подтверждает, что сам факт оставления записи рассматривался как своеобразный «контрольный тест» на идеологическую зрелость участников путешествия и на их лояльность к устоявшемуся советскому метадискурсу памяти. Именно поэтому содержание записи тщательно обдумывалось, а иногда, по всей видимости, готовилось заранее, еще до посещения мемориального объекта. Такое предположение подтверждается наличием отдельных образцов готовых машинописных текстов, вклеенных в книги отзывов. Работая в библиотеке Мемориального комплекса Бухенвальд, нам удалось обнаружить фотографию, на которой посетитель мемориала делает запись в книге отзывов и при этом явно сверяет ее с текстом из своего блокнота или записной книжки.

Описанный социокультурный ритуал записей в книгах отзывов подтверждает правоту известного российского лингвиста М. А. Кронгауза, утверждающего, что для русского языка периода развитого социализма была характерна своего рода диглоссия. Язык быта и повседневного об-

[5] См., например: [Отчет о поездке июля 1978].

щения советских людей воспринимался как «низкий», в то время как для ритуальных целей использовался «высокий» язык официальных документов, наполненный идеологическими штампами и цитатами из речей партийных деятелей. Одним из главных маркеров, указывающих на переход к «высокому» языку, исследователь называл нарочитую серьезность ритуала с соответствующим торжественному моменту изменением выражения лица, голоса, позы [Кронгауз 1994]. Запись в книге отзывов безусловно была образцом «высокой» советской словесности. Именно поэтому ее мог оставить не рядовой член группы, а только тот, кто был специально делегирован группой, имел необходимый опыт и идеологическую зрелость для того, чтобы сделать «правильную» запись. В данном случае смысловая связь текста с событиями Второй мировой войны, упоминание многочисленных жертв и проявленного героизма еще более подчеркивали торжественность момента и способствовали его ритуализации.

Официальным языком дискурса памяти для многонационального Советского Союза безусловно являлся русский язык. Именно на нем было сделано подавляющее большинство записей посетителей из СССР, независимо от того, какую союзную республику они представляли. Исключением является запись на украинском языке, сделанная группой туристов из Волынской области 14 января 1975 г. при посещении Зееловских высот:

> Група туристів з України — м. Луцьк Волинської області глибоко вдячні нашим німецьким друзям за вшанування пам'яті радянських воїнів-визволителів від фашистського ярма [Gästebuch (2)][6].

Во всех остальных случаях многочисленные группы из Украины, Молдавии, Белоруссии, республик Прибалтики, Закавказья и Средней Азии неизменно использовали русский язык, что, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, в русскоязычном варианте запись была более понятной для потенциальных читателей, адресатов мемориальных сообщений. Ведь такие записи носили публичный, а не приватный характер, их авторы понимали, что с ними впоследствии будут знакомиться сотрудники мемориального комплекса, представители других групп посетителей. О том, что сотрудники мемориалов действительно анализировали содержание этих текстов, свидетельствует тот факт, что во многих книгах отзывов записи пронумерованы сквозной нумерацией и рядом с русскоязычными записями карандашом написан перевод на немецкий язык (для Бухенвальда и Зееловских высот). В случае с Карлсхорстом, где работали русскоязычные сотрудники, наоборот, немецкие записи переводились на русский язык. В

[6] Перевод на русский язык: «Группа туристов из Украины — г. Луцк Волынской области глубоко признательна нашим немецким друзьям за чествование памяти советских воинов-освободителей от фашистского ига».

этой ситуации запись на любом другом языке народов СССР кроме русского (армянском, киргизском, эстонском и т. д.) резко ограничила бы аудиторию текста-сообщения, сузила его публичность, а также могла вызвать дополнительные вопросы.

Во-вторых, многие использовавшиеся авторами записей слова, фразы, оценочные суждения имели стереотипный характер и были заимствованы из прочитанных или услышанных ими до этого русскоязычных текстов (материалов путеводителей, проспектов и буклетов, публикаций в прессе, художественной, научно-популярной и учебной литературы, рассказов экскурсоводов). В процессе написания текста для книг отзывов их авторы обращались к известным им образцам мемориального дискурса и частично воспроизводили их, хотя нельзя сказать, что это было точное копирование. Например, при посещении Бухенвальда в 1986 г. каждый советский посетитель мог приобрести актуальный на тот момент русскоязычный путеводитель по мемориалу и прочитать в нем такой текстовой фрагмент:

> …Концлагерь Бухенвальд мы связываем не только со страданиями и смертью. Здесь, за колючей проволокой, вели борьбу антифашисты из многих стран. Сплотившись в боевой союз сопротивления, они смогли в итоге 11 апреля 1945 года одолеть своих палачей и добиться освобождения. Кроме того, Бухенвальд звучит для нас постоянным призывом: Нет войне! Нет фашизму! [Ричер 1986: 1].

А вот какая русскоязычная запись появилась в книге отзывов мемориального комплекса Бухенвальд в конце мая того же 1986 г.:

> Для нас советских туристов Бухенвальд — это свидетельство звериного лица фашизма, отвратительной сущности войны. Это свидетельство величия человеческого духа, мощи интернациональной солидарности. Бухенвальд — это предостережение человечеству, что может принести людям возрождение фашизма. Это — яркий призыв к миру! [Ehrenbuch (3)].

Если сравнить два приведенных выше текста, то нельзя сказать, что они полностью повторяют друг друга или даже используют одинаковый набор слов. Однако при внимательном прочтении понимаешь — оба текста состоят из одинаковых тематических блоков и в конечном счете идентичны по своему содержательному наполнению. В первом блоке («Страдания») вспоминается о злодеяниях фашистов, об их бесчеловечной деятельности, выразившейся в создании и функционировании концлагеря Бухенвальд. Во втором блоке («Борьба») констатируется, что узники лагеря (в обоих текстах подчеркивается их интернациональный состав) не отказались от борьбы и смогли организовать мощное лагерное сопротивление. В третьем блоке («Призыв к миру») подчеркивается недопустимость неофашизма и новой войны, высказывается радикальный призыв к борьбе за мир. Этот

пример как раз и служит иллюстрацией того, что запись в книге отзывов могла быть вторична по отношению к тексту путеводителя (как вариант — к рассказу экскурсовода) и демонстрировать правильное усвоение посетителями мемориала существовавшей концепции исторической памяти.

На содержание мемориальных записей могли влиять и другие источники, в частности известные произведения советского искусства. В случае с Бухенвальдом, например, это была созданная в 1958 г. песня «Бухенвальдский набат»[7], которая приобрела огромную популярность в Советском Союзе с 1960-х годов, после включения в репертуар известного эстрадного исполнителя М. Магомаева. Десятилетия прошли с момента появления этой песни, однако ее эмоциональное воздействие на советскую аудиторию оставалось колоссальным, о чем свидетельствует, например, такие записи:

> Печаль и гнев, страдания, непокорность и протест окаменели навечно под реквием Бухенвальдских колоколов… Могилы борцов антифашистского сопротивления разных национальностей, людей погибших непокоренными, с твердой верой в Победу, напоминают нынешнему поколению: Люди, будьте бдительны! *Берегите мир*[8]! 6 июня 1986 г. [Ehrenbuch (3)].

> Колокольный звон Бухенвальда раздается по всей планете. Звучит как набат, призывающий народы мира к тому, чтобы никогда не повторилась подобная трагедия. 31 мая 1982 г. [Ibid.].

В этом контексте интересно упомянуть тот факт, что для путешествующих по странам Европы туристских групп из СССР нормальной и даже поощряемой практикой было хоровое пение советских песен во время долгих переездов на автобусах от одного пункта туристического маршрута к другому. Для этих целей некоторые руководители групп даже специально брали с собой в путешествие сборники с текстами советских песен. И судя по некоторым источникам, после посещения Бухенвальда группы советских туристов, находясь под сильным эмоциональным воздействием от увиденного, могли хором исполнять именно песню «Бухенвальдский набат»[9].

Таким образом, мы видим очевидную зависимость содержания записей в книгах отзывов от актуальных образцов советского мемориального дискурса. Однако мы не видим того, что описывает в своей работе известный антрополог и историк позднего советского общества Алексей Юрчак — практически дословного дублирования в новых текстах содержания текстов-предшественников, повторного использования больших блоков текстовой информации. Такая практика, очень подробно описанная

[7] Слова А. Соболева, музыка В. Мурадели.

[8] Фраза «Берегите мир!» дублирует заключительные слова «Бухенвальдского набата». Здесь и далее курсив автора статьи.

[9] См., например: [Отчет о поездке 1986].

исследователем [Юрчак 2014: 75–76, 108–116, 175–181], действительно могла использоваться для подготовки текстов устных выступлений, произносимых со значительным временным интервалом между ними или для разных аудиторий. С несколько меньшей эффективностью такой же прием, именуемый «блочным письмом», можно было использовать для текстов, публикуемых в разное время на страницах разных изданий. Но в случае с книгами отзывов, где записи за длительный период, состоящие всего из нескольких предложений, шли одна за другой, такое примитивное дублирование сразу стало бы очевидным и очень негативно охарактеризовало бы автора подобной записи в глазах потенциальных читателей.

Мемориальная запись как мировоззренческая матрица и перформативный текст

Исследователь Е. В. Быкова утверждает, что в так называемом тоталитарном языке (к типичным образцам которого относится и советский официальный язык) выделяется несколько групп концептуальных идеологем. Это идеологемы, связанные с формированием а) образа врага; б) образа героя / друга; в) отрицательного образа прошлого; г) положительного образа настоящего; д) положительного образа будущего [Быкова 2011: 132–133]. В таком случае своеобразная система координат советского мемориального текста выстраивается вокруг двух осей — темпоральной (от прошлого к будущему) и оценочной (от «чужих» к «своим»).

Наивно было бы предполагать, что мемориальные тексты советского периода были обращены только в прошлое, к конкретным историческим сюжетам. Для большинства записей характерна теснейшая взаимосвязь событий прошлого с настоящим и будущим, причем собственно прошлое нередко занимает очень скромное место. Примерами могут служить следующие записи:

> Мы, группа советских людей, посетили мемориал в Бухенвальде и в наших сердцах вновь острой болью всколыхнулись страшные преступления фашизма. Нынешняя администрация США зовет опять к «крестовому походу» против коммунизма. Мы вместе с нашими друзьями из стран социалистического содружества сделаем все, чтобы сорвать преступные замыслы против светлого будущего человечества». 29 мая 1984 г. [Ehrenbuch (3)].

> Мы всегда будем помнить наших воинов, отдавших жизнь за Родину, и в свою очередь будем делать все, чтобы крепить мир и дружбу между народами, за то чтобы на земле никогда не было войны! 11 мая 1988 г. [Gästebuch (5)].

Темпоральная динамика первой из приведенных записей может быть представлена в такой последовательности: настоящее — прошлое — настоящее — будущее, второй записи: будущее — прошлое — будущее.

Здесь, как и в большинстве подобных записей, исторические события используются для обоснования конкретных действий, которые происходят в данный момент или еще должны состояться. Очевидной является перформативная направленность этих записей, которая, однако, могла быть эффективной только при правильно установленной системе координат в разграничении образов «своих» и «чужих». Некоторые самые характерные примеры приближения и удаления объектов в контексте событий прошлого, настоящего и будущего представлены в таблице.

Образы «своих» и «чужих» в записях советских граждан на страницах книг отзывов мемориальных комплексов Восточной Германии

	«Свои»	**«Чужие»**
Прошлое	• славные герои, освободившие нашу Родину и народы Европы от фашизма • советские воины, павшие за светлое будущее наших народов • павшие герои, завоевавшие для народов Европы мирное небо • наши погибшие воины, отдавшие свои жизни за ваше и наше счастье • советские воины, отдавшие свою жизнь во имя истребления фашизма • советские люди, отдавшие жизнь за счастье и мир во всем мире	• коричневая чума • фашистская чума • фашистские варвары • фашистские звери • фашистские мерзавцы • фашистское иго • черные силы фашизма
Настоящее/ будущее	• немецкие братья • немецкие друзья • немецкие товарищи • стойкие борцы за мир во всем мире	• темные силы реакции • будущие агрессоры • силы войны и мракобесия • неофашисты

Как видно, образы «своих» и «чужих» в текстах мемориальных записей весьма стереотипны, контрастны и в значительной степени обезличены. В исторической ретроспективе главной линией, на которой основывались рассуждения авторов, была констатация преступной, бесчеловечной сущности фашизма и мессианской роли советских воинов в освобождении от этого зла не только Советского Союза, но и Европы (включая саму Германию), а также всего мира.

Для разграничения «своих» и «чужих» в контексте настоящего ключевую роль играл геополитический фактор, обусловленный логикой «холодной войны». Граждане социалистической Восточной Германии рас-

сматривались советскими людьми как друзья и союзники. Очень наглядно это иллюстрируется в следующей записи, сделанной спустя 14 лет после окончания Второй мировой войны, в которой противостояние Советского Союза и нацистской Германии достигло наивысшего уровня антагонизма:

> Лагерь Бухенвальд печальная история прошлого. Радостно видеть, что немецкий народ вместе с другими миролюбивыми народами мира вышел на светлую дорогу строительства новой жизни. Мы верим, что дело строительства социализма, начатое в ГДР, восторжествует во всей Германии. 5 октября 1959 г. [Ehrenbuch (1)].

Сам факт наличия такого рода мемориалов на территории Восточной Германии трактовался авторами записей как проявление крепкой, нерушимой дружбы между СССР и ГДР, а также как свидетельство их консенсуса в вопросах памяти о Второй мировой войне. Вот, например, как это отражено в записях, сделанных в книгах отзывов мемориала на Зееловских высотах:

> Мы группа туристов Узбекистана Наманганской области выражаем глубокую благодарность сотрудникам мемориала и всем жителям округа Франкфурт на Одере за сохранение памяти о тех, кто погиб, освобождая мир от фашизма. Пусть это никогда не повторится. Наша *дружба* залог этому. 23 ноября 1974 г. [Gästebuch (2)].

> Мы, группа советских туристов из Приморья, глубоко тронуты тем вниманием, которое оказывают немецкие трудящиеся святой памяти героев, павших в боях за освобождение нашей Родины и немецкого народа от фашистского ига.
> Прекрасно созданный памятник-мемориал на Зееловских высотах говорит о глубоком *уважении* граждан ГДР к бессмертному подвигу советского солдата и [служит] доказательством того, что с немецкой земли больше никогда не начнется война.
> Группа туристов из Владивостока. 30 мая 1976 г. [Ibid.].

Авторы записей часто используют эмоционально окрашенные понятия, принятые для характеристики межличностного общения (*дружба*, *признательность*, *предательство*, *неблагодарность*). «Свои» превращались в «друзей», а «чужие» — во врагов. Это было характерно для культурной дипломатии, участники которой видели в своем лице «полпредов» всего советского народа, а персональные контакты с гражданами других государств рассматривали в контексте отношений между странами или даже целыми военно-политическими блоками. Такое «очеловечивание» и эмоциональное наполнение международных отношений часто использовалось в советском официальном дискурсе. Например, статья в газете «Правда» об открытии в 1972 г. мемориального комплекса на Зееловских высотах (30 декабря 1972 г.; автор М. Подключников) называлась «Пода-

рок» — данное событие представлялось читателю как «дорогой подарок» советским людям в связи с 50-летием образования СССР от лица граждан ГДР и конкретно трудящихся Зееловского района.

Благодаря политическому союзничеству СССР и ГДР в рамках социалистического блока была проведена четкая разделительная линия между «фашистскими мерзавцами» прошлого и «немецкими братьями/друзьями/товарищами» настоящего, но только применительно к случаю Восточной Германии. Что же касается Западной Германии, то в текстах записей она открыто не называлась врагом СССР на современном этапе. Однако не вызывает сомнений, что именно ФРГ, как и США, имелись в виду авторами тех записей, в которых говорится о неких «темных силах реакции» и «мечтающих о реванше неофашистах». Однако здесь советский дискурс использовал традиционный для себя риторический прием — под негативными силами, реваншистами и агрессорами понимались не все граждане США и ФРГ (среди которых могли быть дружественно настроенные к СССР лица), а только правящие элиты этих стран и те, кто разделял их антисоветский курс.

Определение координат разграничения «своих»/«друзей» и «чужих»/«врагов» в контексте прошлого, настоящего и будущего было очень важной основой советского мемориального дискурса, поскольку задавало четкий вектор ожидаемой активности адресантов и адресатов рассматриваемых нами записей. Впрочем, иногда этот вектор представлялся настолько очевидным, что даже не требовал какой-то словесной прелюдии или исторического обоснования. «Всю свою жизнь отдадим борьбе за мир, за построение самого светлого будущего — коммунистического общества», — гласит полный текст записи, сделанный 7 августа 1961 г. от имени группы белгородских туристов при посещении Бухенвальда [Ehrenbuch (1)].

Перформативный, т. е. направленный на определенные действия характер рассматриваемых записей, совершенно очевиден. Не случайно многие из них по своей стилистике напоминают текст коллективной клятвы, в то время как именно клятва стала одним из основных примеров перформативности высказываний в известных работах Джона Остина [Остин 1999]. В рассматриваемых записях нередко можно встретить фразы о том, что «порох нам необходимо держать сухим», а также призывы к общенациональной мобилизации («своим добросовестным трудом крепить экономическое и оборонное могущество нашей Родины») и международной консолидации («дружба и единство прогрессивного человечества всего мира никогда не позволят повторения подобных ужасов»). А слово *(по)клянемся* рефреном повторялось во многих записях, сделанных в разные годы посетителями из различных регионов СССР:

> Туристы из Советского Союза, посетившие памятник жертв фашизма, с глубоким прискорбием чтят память погибших. *Клянемся* бо-

> роться за дело мира во всем мире, чтобы не допустить больше прошлого. 10 июня 1960 г. [Ehrenbuch (1)].
>
> Советские туристы — инженеры из г. Риги с ужасом рассматривали циничные злодеяния нацистов. Пусть же ужасы не дают покоя каждому свободолюбивому человеку, который должен все силы свои направить на борьбу с угрозой новой, ещё более ужасной войны. *Поклянемся* перед жертвами фашизма, что наши силы и стремления будут направлены на то, чтобы отстаивать мир во всем мире [Ibid.].
>
> Брянщина проклинает фашизм! Память о погибших узниках Бухенвальда на века сохранится в наших сердцах. Никогда не бывать Бухенвальду. *Клянемся*! 20 января 1972 г. [Ehrenbuch (2)].

Характерно, что сходные по своей стилистике и логической конструкции записи содержатся в книгах отзывов, сделанных посетителями Зала воинской славы Мемориального комплекса на Мамаевом кургане в Волгограде[10], часть из которых в 1980-е годы была опубликована на страницах тематического сборника «Голос сердец». Вот примеры некоторых таких записей:

> Помним о вас, герои! У легенды есть продолжение, у героев — последователи. *Клянемся* быть верными вашей *клятве*
> ‹…›
> Самый лучший венок памяти героев — это наш труд во имя светлого будущего Родины! Мы дадим нефть (нефтяники Тюмени, февраль 1975 г.)
> ‹…›
> Потомки! Лучшая память павшим — ваш честный и добросовестный труд во имя коммунизма! [Ростовщиков, Кандауров 1985: 41, 117, 128].

Однако, на наш взгляд, мобилизационная риторика и перформативная составляющая записей, сделанных советскими гражданами на территории Восточной Германии, имела особенный, «удвоенный» смысл. В первую очередь при посещении дружественной ГДР рассматриваемые тексты все же напоминали членам группы об их советской идентичности, а также призывали их к бдительности, которая не должна была ослабевать даже в окружении новых друзей (тем более, что в годы войны кто-то из этих друзей мог выступать как враг). И уже во вторую очередь мемориальные тексты ориентировали на активный труд и преданность курсу коммунистической партии и советского государства после возвращения на Родину.

[10] Открыт в 1967 г., архитектор Е. В. Вучетич.

Громкое «Мы» как эхо войны

Если еще раз обратиться к процитированным выше записям из книг отзывов, сделанных в разные годы и во время посещения разных мемориальных объектов, можно заметить, что многие из них содержат местоимение *мы* и нередко даже начинаются с него. Идентификатор «Мы» подчеркивает именно коллективный, а не индивидуальный характер этих записей. Вместо конкретного списка посетителей мемориальных объектов в конце записей часто присутствуют деперсонализированные подписи, например, «делегация КПСС на X съезде СЕПГ», «дирекция поезда дружбы из Литовской ССР», «группа туристов из г. Николаева» и даже «группа советских чекистов». В то же время авторы записей нередко пытались как-то обозначить связь между этим коллективным «Мы» и общим логосом Войны и Победы. Так, туристы из Смоленской области подчеркивали, что они являются земляками сержанта Егорова, водрузившего знамя Победы над Рейхстагом [Gästebuch (2)]. Туристы из Белоруссии напоминали, что именно на белорусской земле в годы войны произошла страшная трагедия Хатыни [Книга отзывов], а представители Урала — о том, что с уральских заводов на фронт шли танки Т-34 [Gästebuch (4)]. Такая практика со временем только усиливалась и, по всей видимости, была характерна для тех групп, где преобладали представители послевоенного поколения, личная биография которых не давала конкретных точек соприкосновения с военным прошлым. Именно тогда в качестве связующего звена использовались люди-символы, места-символы, предметы-символы, заимствованные из метадискурса советской памяти о Великой Отечественной войне.

В целом можно констатировать, что практика оставления записей в книгах отзывов мемориальных объектов являлась одним из инструментов транслирования коллективной памяти о Войне и Победе, и вместе с тем в определенной мере сама формировала эту коллективную память. Деперсонализация большинства записей свидетельствует о том, что личное «Я» играло второстепенное значение по сравнению с коллективным «Мы». И это не случайно. Во-первых, это помогало монополизировать сферу исторических представлений, сконцентрировать их вокруг единой мемориальной парадигмы, следуя строго в рамках «опорных точек» памяти, важность которых впервые обозначил еще Морис Хальбвакс [Хальбвакс 2005]. Во-вторых, это актуализировало включенные в дискурс исторической памяти проекции настоящего и будущего, повышало мобилизационный эффект. При коллективном авторстве высказывания его перформативное воздействие должно было автоматически распространиться на всех членов группы, а символически — на весь советский народ. В-третьих, обоснованность и право говорить не от своего лица («Я»), а от лица всего советского народа («Мы»), было задано парадигмой советской культурной дипломатии, когда оказавшиеся за рубежом граждане СССР играли роль «полпредов» своей страны. Наконец, применительно к представителям послевоенного

советского поколения, которых среди посетителей ГДР со временем становилось все больше и больше, деперсонализация исторической памяти служила своего рода компенсацией отсутствия личного военного опыта. Именно по этим причинам, на наш взгляд, выражая свое отношение к героическим и трагическим страницам Второй мировой войны, посетители мемориальных комплексов Восточной Германии в 1950–1980-е годы чаще всего писали «Мы», а не «Я».

Архивные источники

Книга отзывов — Книга отзывов почетных посетителей Музея истории капитуляции фашистской Германии в войне 1941–1945 гг. (Архив Германо-Российского музея Берлин-Карлсхорст).

Краткая справка 1976 — Краткая справка о политической эффективности советского туризма в ГДР в 1976 г. (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 1024. Л. 26).

Отчет о поездке 1978 — Отчет о поездке в ГДР группы туристов из Крымской области с 5 по 17 июля 1978 г. (Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-3776. Оп. 1. Д. 2386. Л. 166–167).

Отчет о поездке 1986 — Отчет о поездке в ГДР группы туристов из Крымской области с 14 по 28 июля 1986 г. (Объединенный ведомственный архив Федерации независимых профессиональных союзов Крыма. Ф. Р-3776. Оп. 4. Д. 2941. Л. 3).

Ehrenbuch — Ehrenbuch der Nationalen Mahn- und Gedenkstätte Buchenwald. Bd. 1–3 (Gedenkstätte Buchenwald Archiv).

Gästebuch — Gästebuch Gedenkstätte der Befreiung auf den Seelower Höhen. Bd. 2, 4, 5 (Archiv der Gedenkstätte / Museum Seelower Höhen).

Литература

Баден 1987 — *Баден Х*. Город красных гвоздик // Турист. 1987. № 5. С. 38–39.

Быкова 2011 — *Быкова Е. В*. Модульный мемориальный текст как монументальная пропаганда // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 131. 2011. С. 131–137.

Гудков 2005 — *Гудков Л*. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html.

Дитце 1990 — *Дитце Х*. Приезжайте, будем рады // Турист. 1990. № 5. С. 38–39.

Конрадова, Рылеева 2005 — *Конрадова Н., Рылева А*. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной войны // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html.

Кронгауз 1994 — *Кронгауз М. А*. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике: Памяти А. Н. Журинского. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 233–244.

Мискиевич 1984 — *Мискиевич И*. Рукопожатие на века // Турист. 1984. № 10. С. 38–39.

Орлов, Попов 2016 — *Орлов И. Б., Попов А. Д.* Сквозь «железный занавес». Руссо-туристо: советский выездной туризм в 1955–1991 годах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Остин 1999 — *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // *Остин Дж.* Избранное / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–138.

Памятка 1981 — Памятка для ответственных руководителей групп советских туристов. М.: Центр. реклам.-информ. бюро «Турист», 1981.

Попов 2013 — *Попов А. Д.* Экспорт советской модели выездного туризма: случай разделенной Германии // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. Вып. 3. С. 155–165.

Ричер 1986 — Бухенвальд: Экскурсия по Национальному мемориалу: [Фотопутеводитель] / Сост. Б. Ричер. Эрфурт: Б. и., [1986].

Ростовщиков, Кандауров 1985 — Голоса сердец: Сб. / Сост. В. Б. Ростовщиков, И. М. Кандауров. 2-е изд. Волгоград: Ниж.-Волж. книж. изд-во, 1985.

Сенявская 1995 — *Сенявская Е. С.* Героические символы: реальность и мифология войны // Отечественная история. 1995. № 5. С. 30–44.

Склокіна 2011 — *Склокіна І. Є.* Пам'ять про Другу світову війну та нацистську окупацію України в повсякденних практиках радянського суспільства (1953–1985) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2011. № 982: Сер. Історія. Вип. 44. С. 199–219.

Хальбвакс 2005 — *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html.

Щербакова 2001 — *Щербакова И.* Бухенвальд — лагерь-музей // Информационный бюллетень / Междунар. ист.-просвет., благотворит. и правозащит. общ-во «Мемориал». № 22. 2001. Цит. по электрон. версии. URL: http://www.memo.ru/about/bull/b22/60.htm.

Юрчак 2014 — *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.

Oushakine 2013 — *Oushakine S.* Remembering in public: On the affective management of History // Ab Imperio. № 14. 2013. P. 269–302.

Statistisches Jahrbuch 1963 — Statistisches Jahrbuch der DDR. 1963. Berlin: Deutscher Zentralverlag, 1963.

Statistisches Jahrbuch 1990 — Statistisches Jahrbuch der DDR. 1990. Berlin: Deutscher Zentralverlag, 1990.

War and We: Horizons of cultural memory in memorial texts of the late Soviet period

Popov, Alexey D.
PhD (Candidate of Science in History)
Researcher, Project "Soviet cultural diplomacy during the Cold War (1949–1989)",
South Ural State University (National Research University)
Russia, 454080, Chelyabinsk, Prospect Lenina, 76
Tel.: +7 (351) 267-99-00
E-mail: popalex79@mail.ru

Abstract. In this article, we analyze the contents of entries made by Soviet citizens in visitors' books of the three largest memorial complexes in East Germany devoted to the events of World War II: the National Museum Buchenwald, the Seelow Heights Memorial Site and Museum, and the Museum of the History of the Unconditional Capitulation of Fascist Germany at Berlin-Karlshorst. On the basis of these sources the author draws conclusions regarding Soviet memorial culture of the postwar period and the interrelationship between the memorial practices of Soviet citizens abroad and cultural diplomacy. The most important distinctive features of these samples of memorial discourse were publicity, ritualism, performativity, emotional saturation, and the displacement of the historical context by topical issues of the present and the future.

Keywords: historical memory, memorial complex, international tourism, cultural diplomacy, visitors' books, World War II, East Germany, the USSR

References

Baden, H. (1987). Gorod krasnykh gvozdik [City of red carnations]. *Turist* [Tourist], no. 5, 38–39. (In Russian).

Bykova, E. V. (2011). Modul'nyi memorial'nyi tekst kak monumental'naia propaganda [Modular memorial text as monumental propaganda]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia], no. 131, 131–137. (In Russian).

Dittse, H. (1990). Priezzhaite, budem rady [Welcome, we will be glad]. *Turist* [Tourist], no. 5, 38–39.

Gudkov, L. (2005). "Pamiat'" o voine i massovaia identichnost' rossiian ["Memory" of war and the mass identity of Russians]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2–3. Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html. (In Russian).

Iurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Khal'bvaks, M. (2005). Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2–3. Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html. (In Russian).

Konradova, N., Ryleva, A. (2005). Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoi Otechestvennoi voiny [Heroes and victims. Memorials of the Great Patriotic War]. *Neprikosnovennyj zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2–3. Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html. (In Russian).

Krongauz, M. A. (1994). Bessilie iazyka v epokhu zrelogo sotsializma [The powerlessness of language during the era of mature socialism]. *Znak: Sbornik statei po lingvistike, semiotike i poetike: Pamiati A. N. Zhurinskogo* [Sign: A collection of articles on linguistics, semiotics and poetics: In memoriam of A. N. Zhurinsky], 233–244. Moscow: Russkii uchebnyi tsentr MS. (In Russian).

Miskievich, I. (1984). Rukopozhatie na veka [A handshake for the ages]. *Turist* [Tourist], no. 10, 38–39. (In Russian).

Orlov, I. B., Popov, A. D. (2016). *Skvoz' "zheleznyi zanaves". Russo-turisto: sovetskii vyezdnoi turizm v 1955–1991 godakh* [Through the "Iron Curtain". "Russo turisto": Soviet outbound tourism during 1955–1991]. M.: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).

Ostin, Dzh. (1999). Kak sovershat' deistviia pri pomoshchi slov (Transl. by L. B. Makeeva, V. P. Rudnev from: Austin, J. (1962). How to do things with words. Oxford: Clarendon Press). In Ostin, Dzh. *Izbrannoe* [Selected works], 13–138. Moscow: Ideia-Press; Dom intellektual'noi knigi. (In Russian).

Oushakine, S. (2013). Remembering in public: On the affective management of history. *Ab Imperio, 14*(1), 269–302.

Pamiatka dlia otvetstvennykh rukovoditelei grupp sovetskikh turistov [Instruction for responsible heads of groups of the Soviet tourists]. (1981). Moscow: Tsentr. reklamno-informatsionnogo biuro "Turist". (In Russian).

Popov, A. D. (2013). Eksport sovetskoi modeli vyezdnogo turizma: sluchai razdelennoi Germanii [Export of the Soviet model of outbound tourism: the case of divided Germany]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriia* [Bulletin of the Perm university], *23*(3), 155–165. (In Russian).

Richer, B. (Ed.) (1986). *Bukhenval'd: Ekskursiia po Natsional'nomu memorialu: Fotoputevoditel'* [Buchenwald: Excursion around the National memorial: Photoguide]. Erfurt: [n. e.]. (In Russian).

Rostovshchikov, V. B., Kandaurov, I. M. (Eds.) (1985). Golosa serdets [Voices of hearts]. 2nd ed.: Volgograd: Nizhne-Volzhkoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Seniavskaia, E. S. (1995). Geroicheskie simvoly: real'nost' i mifologiia vojny [Heroic symbols: reality and mythology of war]. *Otechestvennaia istoriia*, *1995*(5), 30–44. (In Russian).

Shcherbakova, I. (2001). Bukhenval'd — lager'-muzei [Buchenwald — the camp-museum]. *Informatsionnyi biulleten' [Mezhdunarodnoe istoriko-prosvetitel'skoe, blagotvoritel'noe i pravozashchitnoe obshhestvo "Memorial"]* [Informational Bulletin of MEMORIAL: An International Historical, Educational, Human Rights and Charitable Society], no. 22. Retrieved from http://www.memo.ru/about/bull/b22/60.htm. (In Russian).

Sklokina, I. E. (2011). Pam'iat' pro Drugu svitovu viinu ta natsists'ku okupatsiiu Ukraïni v povsiakdennikh praktikakh radians'kogo suspil'stva (1953–1985) [Memory of World War II and Nazi Occupation in Everyday Practices of the Soviet Society (1953–1985)]. *Visnik Harkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina* [Bulletin of the Karazin Kharkov national university]*, no. 982, ser. Istoriia* [History], iss. 44, 199–219. (In Ukrainian).

Statistisches Jahrbuch der DDR (1963). Berlin: Deutscher Zentralverlag. (In German).

Statistisches Jahrbuch der DDR (1990). Berlin: Deutscher Zentralverlag. (In German).

Popov, A. D. (2016). War and We: Horizons of cultural memory in memorial texts of the late Soviet period. *Shagi / Steps, 2*(4), 96–113